

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ПЕСАХ

12 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Двенадцать вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри «Четыре вопроса „Ма ништана“»: почему эти вопросы предназначены не только детям, чего требует от нас каждое из четырёх изгнаний, что на самом деле противоположно мудрецу и почему благословляют горькую зелень. Вплоть до вопроса пекаря: в какой именно момент тесто становится хамецем?

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Песаха

-
01	Четыре вопроса — не только для детей
02	Один вопрос, четыре ответа
03	Бавель, Мадай, Яван, Эдом: чего требует каждое изгнание
04	Проказа самодовольства
05	Отчаиваться ли из-за изгнания?
06	Настоящая противоположность мудреца
07	Благословляют и горькую зелень
08	Есть хлеб — возвращать мир
09	Пшеница, инжир, виноград, этрог
10	Змей на челе царей
11	Вопрос мудреца и вкус афикомана
12	Хамец рождается из праздности
-

Четыре вопроса — не только для детей

ВВЕДЕНИЕ

«Ма ништана» поручают самому младшему, он его поёт, и это прекрасно — при условии, говорит Рав, что взрослые на этом не остановятся. Ибо эти четыре вопроса открывают четыре пути прочтения.

ВОПРОС

Если четыре вопроса соответствуют четырём возрастам, через которые проходим все мы, в каком направлении мы их проходим?

ОТВЕТ

Пишат — буквальный смысл; драш — аллегория; ремез — аналогия; сод — скрытый смысл.

Когда открываешься этим четырём способам мышления, четыре вопроса предстают совершенно иначе. Они соответствуют четырём уровням толкования, четырём типам детей перед нами, но ещё больше — четырём возрастам, которые мы проходим с течением времени.

Их можно проходить в направлении положительного развития. Или, к сожалению, в направлении полного отвержения: начинают с мудреца и заканчивают тем, кто не умеет спрашивать. И это печально: значит, над вопросом недостаточно размышляли.

Ибо в корне слова шана заложено прежде всего «повторять», затем «изучать», «оттачивать», «менять». По мере того как мы возвращаемся к нашему тексту и углубляем его, мы пропитываемся этим учением, и перемена непременно происходит.

ВЫВОД РАВА

Очень хорошо побуждать ребёнка петь четыре вопроса — при условии, что взрослые на этом не останавливаются.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Какой вопрос нашего детства мы ни разу не задали себе снова, став взрослыми? Пусть каждый взрослый возьмёт этим вечером один из четырёх вопросов и скажет, чего он требует от него сегодня, в его возрасте.

Один вопрос, четыре ответа

ВВЕДЕНИЕ

«Ма ништана» обычно читают как четыре вопроса. Рав предлагает прочесть его иначе: один-единственный вопрос — чем отличается эта ночь? — и за ним четыре ответа.

ВОПРОС

Что на самом деле открывает ребёнок, когда блюдо отодвигают вместо того, чтобы сесть за трапезу?

ОТВЕТ

«Ма ништана а-лайла а-зе ми-коль а-лейлот?» — Чем отличается эта ночь от всех ночей?

Мы отодвинули блюдо, чтобы привлечь внимание ребёнка, который ожидал, что сразу начнётся трапеза. Он спросит себя, почему мы его отодвинули, почему мы принялись читать текст, декламировать, рассуждать о смысле мацы.

И он открывает, что мы находимся — и всегда остаёмся — в изгнании. В изгнании мы пребываем в любой момент жизни: не надо обманываться. Четыре вопроса — это столько же ответов на единственный вопрос, и каждый по-своему говорит, где мы находимся.

Итак, эта ночь отличается не тем, что заставляет забыть об изгнании, а тем, что обязывает задуматься о нём — и извлечь из него урок.

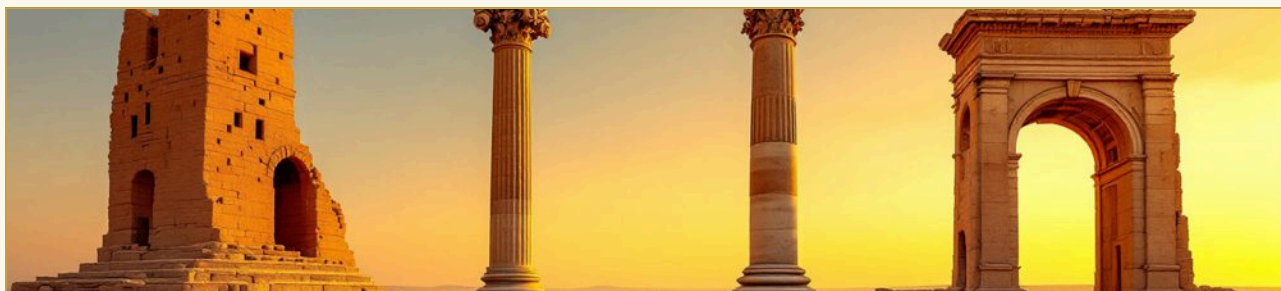
ВЫВОД РАВА

В изгнании мы пребываем в любой момент жизни. Не надо обманываться.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Отодвинутое блюдо прерывает привычку. Какую привычку нашего дома нужно «отодвинуть», чтобы ребёнок наконец задал настоящий вопрос? И какой вопрос наши дети больше нам не зададут?

Бавель, Мадай, Яван, Эдом: чего требует каждое изгнание

ВВЕДЕНИЕ

Четыре вопроса касаются также, по мнению Рава, четырёх изгнаний человека: Бавеля, Мадаю, Явана и Эдома. Каждое ставит перед еврейским народом свой вопрос, на который нужно уметь ответить.

ВОПРОС

Чего требует от нас каждое из четырёх изгнаний и почему последнее — самое требовательное?

ОТВЕТ

«Знай, что ответить эпикорсу» (Пиркей Авот 2:14).

Бавель спрашивает об уроке, который можно извлечь из изгнания. Мадай — это дерех эрец: открытость ума к другим культурам, другим способам мышления, которые мы усваиваем — при условии, что мы ставим на их место ответ, извлечённый из аналогии с нашими собственными текстами.

Яван, Греция, — это рациональность: она обязывает нас уметь ответить эпикорсу, чистой логике. Что ж, пусть так.

Но дальше есть Эдом, соответствующий Риму. Эдом претендует на то, что вбирает все эти культуры, открытость науке, открытость логике, и подаёт нам всё это вместе, так что с ним можно считать себя обладателем поистине широчайшей общей культуры. Мы должны ответить на всё это.

ВЫВОД РАВА

Мы обязаны ответить на всё это.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Наша общая культура во многом пришла к нам с Запада. Чему мы научились у другой культуры, что нас обогатило? И на какой вопрос нашей эпохи мы ещё не умеем ответить, исходя из наших собственных источников?

Проказа самодовольства

ВВЕДЕНИЕ

На той неделе читали главу о цараат, которую переводят как проказа. Рав выводит из неё язвы, подстерегающие того, кто хочет ответить изгнаниям: считать себя выше, растворяться во всём, считать всё прозрачным.

ВОПРОС

Какие крайности делают человека «прокажённым» перед лицом знания и при чём здесь кипа?

ОТВЕТ

«Сеэт, или сапахат, или бахерет» — опухоль, лишай или пятно (Ваикра 13:2).

Сеэт, возвышение: считать себя лучше других, думать, что больше нечему учиться. Сапахат: знать, что знаешь не всё, но открываться любому течению, принимать второстепенное за главное и становиться придатком чужого знания. Бахерет: считать, что всё прозрачно. А ведь никакое знание не обходится без тени, пусть тонкой, как плёнка.

Отсюда головной убор, носимый со смирением: небесный свод я заменяю маленьким сводом на голове, который ставит меня в положение слушающего. Ибо прозрачности не существует. Небо голубое лишь потому, что наслаиваются прозрачные слои воздуха. Белый — смешение всех цветов в движении; в покое та же смесь даёт чёрный. Отсюда чёрно-белый или сине-белый талит: линия раздела между прозрачностью, принадлежащей небесному, и всеми оттенками мысли.

И что ждёт того, кто так грешит? Нетек, разрыв: он больше не связан, и он страдает.

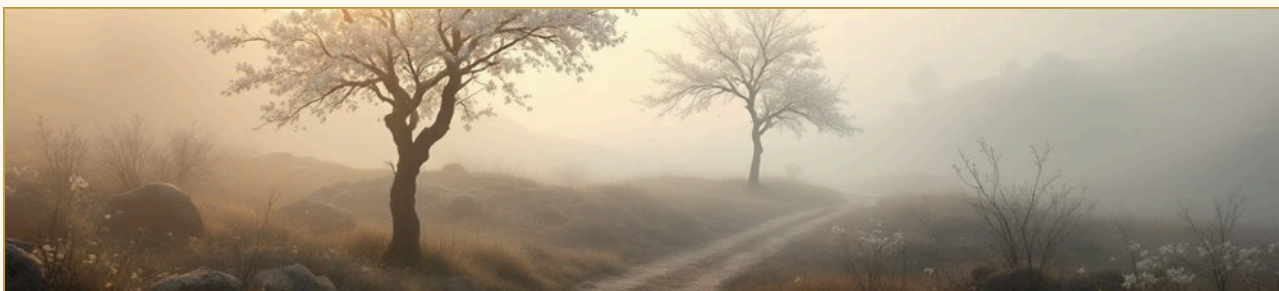
ВЫВОД РАВА

Прозрачность принадлежит небесному; она не на моём уровне.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Что из трёх подстерегает нас больше всего: знать всё лучше других, принимать любую моду на идеи или считать вопрос простым? Пусть каждый приведёт недавний пример — у себя, а не у других.

Отчаиваться ли из-за изгнания?

ВВЕДЕНИЕ

Изгнание физическое, когда всё же нравится там, где живёшь; изгнание интеллектуальное, когда больше не с кем поговорить; изгнание духовное, когда теряешь ориентиры. Когда всё случается сразу, говорит Рав, ты в Египте — и долгожданная весна сияет не так, как хотелось бы.

ВОПРОС

Если мы обусловлены со всех сторон, нужно ли впадать в уныние — и что остаётся от нашей свободы?

ОТВЕТ

Рав: *«Нет, именно это — главный ответ на все наши вопросы».*

Интеллектуальное изгнание — это быть непонятым: так бывает в обществе, с детьми, в супружестве. Духовное изгнание — это растерянность, утрата ориентиров. Всё это отрывает нас от реальности и от наших ожиданий.

Нужно ли впадать в отчаяние? Нет. С того момента, как усвоено, что прозрачность бытия принадлежит иному миру, моя задача — изо дня в день уменьшать окружающую меня непрозрачность и вкладывать в труд, в усилия, которые я прилагаю, будущее. В этом моя свобода, моё освободительное движение.

Ибо мы остаёмся обусловлены: днём своего рождения и сроком своей жизни, обществом, в котором живём, знанием слишком обширным, чтобы его вместить, своими чувствами. Но эту обусловленность побеждают Торой, духовным восхождением: этой вертикалью человека, стремящегося ввысь.

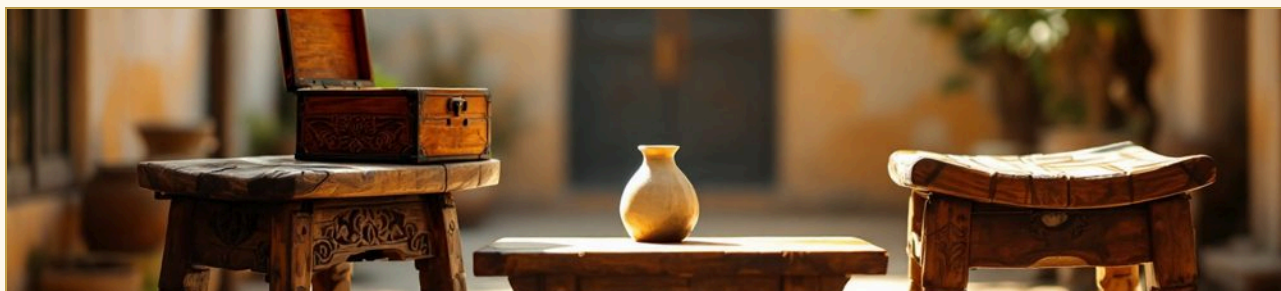
ВЫВОД РАВА

Эту обусловленность побеждают Торой.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В какой области мы чувствуем себя сейчас непонятыми: на работе, в супружестве, с детьми? Вместо того чтобы ждать полной ясности, какую небольшую часть непрозрачности мы могли бы уменьшить на этой неделе?

Настоящая противоположность мудреца

ВВЕДЕНИЕ

В Агаде мудреца охотно противопоставляют нечестивому, верного — бунтарю. Рав загадывает слушателям загадку: что на самом деле противоположно хахаму?

ВОПРОС

Почему Агада не даёт слова глупцу, но даёт слово раше?

ОТВЕТ

Рав: «Противоположность хахама — типеш».

Противоположность мудреца — не раша, нечестивец. Это типеш, глупец. Почему же не написали: «глупец — что он говорит?» Потому что с глупцом не разговаривают: диалог невозможен.

Раша лучше него. У него развито критическое чутьё — настолько, что можно повернуть всё вспять и обнаружить его рядом с мудрецом, у него на службе.

И не нужно, добавляет Рав, начинать проводить границы между этими и теми. У каждого на своём уровне свои ступени восхождения — от балованного ребёнка, короля дома, до высшей сферы, где лишь завеса — то, что мы называем кетер, венец, — отделяет нас от абсолюта.

ВЫВОД РАВА

С глупцом диалог невозможен. Раша гораздо лучше него.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Критика, даже резкая, — всё ещё форма диалога; равнодушие — нет. Кто у нас возражает — и слушаем ли мы его? И к какой теме мы сами стали так равнодушны, что больше ни о чём не спрашиваем?

Благословляют и горькую зелень

ВВЕДЕНИЕ

В вечер Седера произносят благословение на мацу и другое — на марор. Благословляют хлеб свободы — понятно; но благословляют и горькую зелень.

ВОПРОС

Зачем произносить благословение на горечь — и когда марор становится опасным?

ОТВЕТ

У марор и мавет, смерть, одинаковое числовое значение: 446.

Мы считаем, что труды, которые мы на себя принимаем, достойны благословения. Они несут послание — лишь бы суметь извлечь из них весь смысл, всё богатство.

Но порой нам не хватает инструментов, вдохновения, интуиции. Тогда мы даём себя увлечь, и марор становится синонимом мавет, смерти: у обоих слов одинаковое числовое значение.

А ведь мы — народ, который не умирает: это проверено. Мы прошли через все кризисы человечества, оставили в них перья, это правда, но мы здесь — такие же, какими были в минуты славы, способные слышать слово Б-га и рождать пророков из своих рядов.

ВЫВОД РАВА

Мы оставили перья, это правда, но мы здесь.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Какое страдание этого года в конце концов принесло послание? А какое остаётся горечью без смысла? Пусть каждый скажет, чего ему не хватило бы — инструмента, идеи, помощи, — чтобы превратить свой марор в благословение.

Есть хлеб — возвращать мир

ВВЕДЕНИЕ

Единственная заповедь, данная Адаму, касалась не молитвы и не морали: она касалась пищи. И единственное благословение, которое предписывает сама Тора, Биркат а-мазон, относится лишь к трапезе с хлебом.

ВОПРОС

Почему Тора так тесно связывает жизнь духа с тем, что мы едим?

ОТВЕТ

«И будешь есть, и насытишься, и благословишь Г-спода, Б-га твоего» (Дварим 8:10).

Плодиться и размножаться — благословение; но повеление, данное Адаму, касается употребления плода: от всякого дерева сада ешь, кроме древа познания добра и зла. Этой ли первой заповеди мы ждали от Творца? Не первой, говорит Рав: единственной. И наши мудрецы говорят, что ребёнок начинает говорить лишь после того, как попробовал пшеницы.

Тот, кто ест хлеб, усваивает элементы, участвовавшие в образовании вселенной: земля произвела растение, растение наплато животное, животное наплато человека, а человек своим духом возвращает всё это к абсолютному источнику творения. Это возвращение мира, обогащённого микрокосма.

Вот почему вопрос мудреца касается мацы: она освобождает энергию материи — не для наших самых низменных инстинктов, а чтобы возвысить её к первоначальному творению. Ибо всякий хлеб, который мы готовим, — прежде всего маца.

ВЫВОД РАВА

Это возвращение мира, обогащённого микрокосма, который человек несёт в себе.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Наш стол, говорит Рав, достоин благословения, как жертвенник. Что в наших обычных трапезах похоже на возвращение, а что — лишь потребление? Что мы могли бы изменить на ближайшей субботней трапезе?

Пшеница, инжир, виноград, этрог

ВВЕДЕНИЕ

Какой плод съел Адам? Наши мудрецы предлагали разные ответы: пшеница, инжир, виноград, этрог. Для Рава это не гипотезы ботаника, а четыре способа падения.

ВОПРОС

Что говорит каждый из четырёх плодов о грехе Адама — и о нашем?

ОТВЕТ

Мнения наших мудрецов о древе познания: пшеница, инжир, виноград, этрог.

По мнению одних, это была пшеница, которая тогда ещё была деревом и после греха была низведена до травы. По мнению других, Адам поддался соблазну сладкого плода смоковницы, теэны: способ самоутвердиться — и мы, к сожалению, смакуем запретное.

По мнению третьих, это был виноград: опьянение, лишаящее разума и сознания, но открывающее и дверь к раскаянию. А иные, наконец, говорят: этрог, citron, считающийся совершенным плодом. Адам попал в ловушку того совершенства, которое приписал себе и которое делало его творцом, равным Б-гу.

ВЫВОД РАВА

Он попал в ловушку совершенства, которое приписал себе.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Сладость запретного, опьянение, заставляющее забыть, совершенство, делающее нас судьями всего: какой из этих соблазнов сильнее всего в нашем возрасте? Пусть каждое поколение за столом ответит за себя.

Змей на челе царей

ВВЕДЕНИЕ

Цари Египта носили на лбу, на короне, голову змеи: для них — символ знания. Рав сопоставляет этот образ со змеем Эдемского сада — и с тфилин.

ВОПРОС

Кто на самом деле тот змей, что говорит с Адамом, и что Тора поставила на его место?

ОТВЕТ

«А змей был хитрее всех зверей полевых» (Берешит 3:1).

Нахаш, говорящий с Адамом, — это не кто иной, как сам человек. Это не животное, встающее перед ним извне: самый хитрый, самый знающий, самый мудрый — это человек. Он носит этого нахаша в себе — а вместе с ним и дар идти вперёд, интуицию, воображение.

Египтяне носили змея на лбу. Тора заменила его пергаментами: провозглашение единства Б-га, освящение всякого первенца, напоминание об исходе из Египта, необходимость выкупа. Четыре элемента, которые носят на голове.

И говорят, что первым прокажённым был змей, то есть человек в момент своего греха. Ибо проказа — не внутренняя болезнь: она поражает лишь кожу, оболочку. Она приходит, когда человек выходит из своей оболочки и перестаёт считать её пределом.

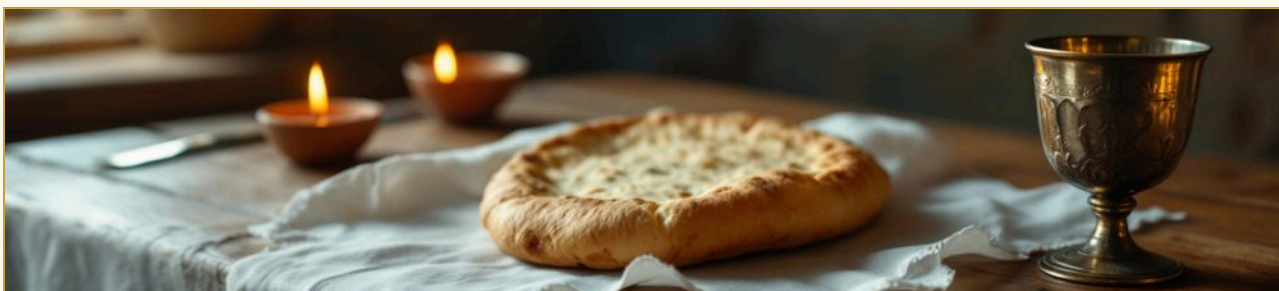
ВЫВОД РАВА

Этот змей — человек.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Разум может увенчивать хитрость или увенчивать единство. Что у нас «на челе», то есть в голове, когда мы принимаем решения? И какой предел в нашей жизни мы склонны больше не соблюдать?

Вопрос мудреца и вкус афикомана

ВВЕДЕНИЕ

Мудрый спрашивает: «Что это за свидетельства, установления и законы, которые заповедал вам Г-сподь, Б-г наш?» И ему отвечают удивительным правилом: после пасхального агнца не завершают десертом.

ВОПРОС

Почему на вопрос о смысле законов отвечают правилом о конце трапезы?

ОТВЕТ

«Ма а-эдот ве-а-хуки ве-а-мишпатим» (Дварим 6:20); «После песаха не завершают афикоманом» (Мишна Песахим 10:8).

Эти законы, которые сперва кажутся нам хуки, указами, и которые так и преподают, на самом деле — эдот: свидетели, маяки, знаки, удостоверяющие слово, которым мы обменялись с Творцом и которое хранится у нас. Мы не ограждаем их от всякой логики: они становятся мишпат, законом и судебной практикой, которые можно обсуждать, ведь существует семьдесят способов подойти к Торе.

И ответ: не завершают афикоманом. После того как пасхального агнца лишили его идолопоклоннической стороны, его материальности, сделали знаком-свидетелем нашей свободы и вернули к его сути, больше нет ни яств, ни сладостей. Из этого не выходят: всё закончено.

Должен остаться вкус совершенного действия: нашего освобождения через закон.

ВЫВОД РАВА

Должен остаться вкус того действия, которое мы совершили в праздник Песах.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Бывают моменты, вкус которых портишь, слишком быстро переходя к другому. После какого сильного момента этого года нам следовало «ничего не добавлять»? И какой закон, казавшийся нам нелепым, стал для нас свидетелем?

Хамец рождается из праздности

ВВЕДЕНИЕ

Рав завершает урок первым из четырёх вопросов: в эту ночь — только маца. И задаёт вопрос пекаря: в какой именно момент тесто становится хамецем?

ВОПРОС

Если тесто не поднимается, пока его месят, знаком чего на самом деле является хамец?

ОТВЕТ

Рав: «Хамец возникает в праздности существования».

Пока мы продолжаем месить тесто, хамеца нет. Хамец появляется, когда мы перестали месить, когда оставили тесто в покое. Он возникает в праздности существования: когда скучно, когда нечем заняться.

И всё же у хамеца есть вкус: именно он даёт хлебу его вкус. И на Шавуот приносят как раз квасной хлеб. Но чтобы принести квасной хлеб, сначала нужно пройти через мацу: нужно постоянно работать над собой, чтобы не увязнуть в разного рода проблемах.

Нам дали Шабат и праздничные дни, когда мы отдыхаем. Именно в такие моменты можно проверить, как обстоят дела с нашим хамецем.

ВЫВОД РАВА

Нужно постоянно работать над собой, чтобы не увязнуть.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Нас портит не усилие, а то, что мы оставляем лежать слишком долго. Что мы перестали «месить» — дружбу, учёбу, разговор? Что мы могли бы снова привести в движение в праздничные дни?